

Герои

XX век

Серебряный век русского искусства напоминает буйно разросшийся цветник, наполненный экзотическими растениями. Никогда еще на российской почве не произрастало ничего подобного. Впервые индивидуальность вышла за пределы общества и требовала рассматривать себя как самостоятельную величину, равную не только обществу, но и Богу. Отныне ценность индивидуума определялась не заслугами перед Отечеством и благородными поступками или хотя бы красотой внутреннего мира, а разнообразием эмоций, доходящих до вычурности. Пристальное внимание к оттенкам человеческих чувств и бешеное стремление к новизне вызвало к жизни запретные прежде темы: аморальность, демонизм, эротизм.

«Эстетический переворот» случился не на пустом месте, а после радикальных реформ 1860-х, и еще более — как протест против народников, считавших искусство второстепенным по сравнению с политической деятельностью. Культ творчества — то, что объединяет персонажей Серебряного века, какими бы разными они ни казались. Этому привлекательному и опасному мировоззрению они обязаны и сияющей красотой своих творений, и мрачными безднами, преследовавшими авторов и в поэзии, и в жизни...

Николай Гумилев

Поэт и солдат

Николай Гумилев на первый взгляд идеально вписывался в систему координат Серебряного века. Его любовь к экзотике, безапелляционные суждения об искусстве, да и сама жизнь, полная экстравагантных путешествий, кажутся одним большим литературным манифестом. Настоящее понимание среди братьев по перу он находил нечасто. Даже те, кто искренне любил поэта и очаровывался его творчеством, порой терялись от буйной и пестрой яркости его фантазии. Признанные мэтры — Гиппиус и Мережковский — поначалу и вовсе приняли Гумилева за графомана. Может быть, оттого, что его лирика несла на себе печать эпоса, принимаемую невнимательным читателем за напыщенность? Да и сам автор до гротеска походил на героя своих конквистадорских баллад. Но за этим стояла яростная вера в свою избранность, в то, что Господь хранит поэта и направляет по истинному пути.

▲ Рисунок
Н. Гумилева.
Из коллекции
П. Н. Лукницкого

► Николай Гумилев
в старших классах
гимназии

▼ Николай Гумилев,
Лев Гумилев и Анна
Ахматова. 1915

► Н. С. Гумилев
с Н. Сверчковым
в Африке. 1913

Золото, индейцы и Священное Писание

Мать будущего поэта, Анна Ивановна, часто вместо вечерней сказки читала детям Священное Писание. И не только читала, но и обсуждала евангельские события с маленькими сыновьями Димой и Колей.

Коля усердно молился. Отказывался от конфет, чтобы отдать их старушке из богадельни, приходившей к матери. Совершал и более трудный подвиг: тщательно скрывая скуку, играл со старушкой в ненавистное лото.

При этом пай-мальчиком юного Гумилева назвать нельзя. Скорее он похож на гимназиста Чеховицына из рассказа Чехова, собравшегося бежать в Америку за золотом и индейскими приключениями. Себя он видел таким суперменом — потрясающе храбрым и кровожадным. Ради поддержания этого образа однажды ему пришлось перед толпой ровесников откусить голову живому карасю. Потом, правда, он сильно страдал от мук совести, поскольку никакой жестокости в нем не водилось, а животных он очень любил.

Всяческое зверье было особой темой для поэта. В детстве он даже устроил для матери подарок — собрание лягушек, жаб и ящериц посреди садовой клумбы — и был страшно расстроен, когда мать с криком убежала.

Темная игра

В юности Гумилев баловался опасными вещами — как, впрочем, и многие в его окружении. Однако вера, заложенная в детские годы, уберегла его от серьезной беды. Глядя в бездну, он увидел больше, чем его легкомысленные друзья, и вовремя остановился. В Париже вместе с другими эстетами он занимался вызыванием дьявола, и, единственный из всей компании, увидел отвратительную морду с горящими глазами. Князь тьмы не однажды появляется в его ранних стихах: «Мой старый друг, мой верный Дьявол», «Пять коней подарил мне мой друг Люцифер». Правда, никакого восхищения врагом рода человеческого нет в этих миниатюрах, традиционных для декадентов, к которым причислял себя в то время Гумилев. Зато есть предостережение о коварной природе искусителя и предчувствие беды.

Доподлинно неизвестно, сколько раз поэт играл со смертью — стрелялся на дуэлях, гарцевал под пулями на войне, не скрывал монархических взглядов в большевистском Петрограде. Поэтесса Ирина Одоевцева вспоминала его монолог о смерти, произнесенный в сочельник 1920 года: «Будет ли вообще что-нибудь? Или все кончается здесь, на земле? Верю, Господи, верю, помоги моему неверию».

И, конечно, в разные периоды жизни Гумилева мотивация его «рисковых поступков» была разной. Если до 1914 года это во многом была рисовка, игра, желание постоять «у бездны на краю», то, оказавшись на войне, он столкнулся с настоящей бедой, настоящим страхом, настоящими испытаниями. Юношеская бравада подверглась проверке на прочность, и поэт прошел ее с честью.

Возможно, Гумилев лечился смертельными опасностями от недостатка веры. Попадая в зону риска, он как будто успокаивался и приходил в гармонию с самим собой, чувствуя рядом с собой Божье охраняющее присутствие. Вот одно из его писем с фронта Первой мировой войны: «Мы, наверное, скоро опять попадем в бой, и в самый интересный, с кавалерией. Так что вы не тревожьтесь, не получая от меня некоторое время писем, убить меня не убьют (ты ведь знаешь, что поэты — пророки)...» ➔

▲ Николай Гумилев. 1921

► Офицерские
погоны Гумилева

Доброволец

Господь действительно хранил его очень долго, до самого 1921 года. Что же случилось тогда? Высшие законы перестали работать в стране безбожников?

Когда началась Первая мировая война, Николай Степанович захотел попасть на фронт. Его влекли идеалы рыцарства, отваги, честного служения своей земле. Однако это оказалось не так-то просто для имеющего «белый билет» из-за косоглазия. Получив отказ с первой попытки, Гумилев не сдался. Он поехал к царскосельскому начальнику военного присутствия и применил весь свой дар убеждения. Врачи, не выдержав потока красноречия, сдались.

С первыми днями на фронте поэту удивительно повезло. Он попал в почти идеальную ситуацию, созвучную его рыцарским представлениям. «Ни в Литве, ни в Польше я не слыхал о немецких зверствах, ни об одном убитом жителе, изнасилованной женщине, — пишет Николай Степанович родственникам. — Войско уважает врага, мне кажется, и газетчики могли бы поступать так же...».

На войне Гумилев сохранял присутствие духа, удивительное для абсолютно штатского человека. Он быстро обучался специфическим тонкостям военного дела. Стихия войны захватила его. Время, проведенное на передовой, поэт называл лучшей в жизни, лучше даже путешествий в Африку.

Многих война ломает. Гумилева она очистила от всего наносного, вроде заигрываний

с Люцифером. Теперь имя Господа мощно зазвучало в его стихах:

*...Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.
Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

Возможность совершить настоящий подвиг манила его. Вечером 20 ноября 1914 года, после тяжелого боя, начали искать добровольцев для ночной разведки. Стоит ли говорить, что Николай Степанович вызвался первым?

Гумилев обнаружил неприятеля. Оставалось самое важное: вернуться живым, дабы донести ценную информацию до своих. А можно ли остаться в живых, пустившись вскачь по открытому полю под прицельным огнем врага?

Запредельную опасность поэт осознал, только уйдя из-под обстрела, а тогда... «...тогда я только придерживал лошадь и бормотал молитву Богородице, тут же мною сочиненную и сразу забытую по миновании опасности...»

За успешную разведку Гумилев был награжден Георгиевским крестом.

Он приехал в Петербург в уланской форме и читал стихи о войне.

Главный подвиг

Но самый главный рыцарский подвиг поэт совершил не на обычной войне. В страшные для христианской России времена, когда образованные люди во множестве уезжали на Запад, Гумилев вернулся из командировки во Францию на Родину. Когда-то ему удалось в одиночку прорваться через цепь неприятеля. Теперь задача была еще более невыполнимой: он шел против течения эпохи.

*Тягостен, тягостен этот позор —
Жить, потерявши царя!*

Неважно, что эти строки появились в 1909 году. Повторная их публикация в большевистском Петрограде имела совсем другой смысл: вызов новой безбожной и незаконной власти.

Поэт и не думал «фильтровать» свое творчество, избегать опасных тем. Крестился при виде храма, не заботясь, сколько людей смотрят на него, называл своих слушателей в литературной студии «господа», нарочито избегая слова «товарищи», не скрывал монархических взглядов.

Однажды Гумилева пригласили на вечер поэзии для матросов Балтийского флота. Николай Степанович, читая подборку стихов, вдруг с особым значением выделил строки:

*Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего Государя.*

Присутствовавшая на том вечере поэтесса Ирина Одоевцева вспоминала: «По залу прокатился протестующий ропот. Несколько матросов вскочило. Гумилев продолжал читать спокойно и громко, будто не замечая, не удостаивая вниманием возмущенных слушателей. Кончив стихотворение, он скрестил руки на груди и спокойно обвел зал своими косыми глазами, ожидая аплодисментов. Гумилев ждал и смотрел на матросов, матросы смотрели на него. И аплодисменты вдруг прорвались, загремели, захлопотали. Всем стало ясно: Гумилев победил».

В чем причина такого «вызывающего поведения»? Политические разногласия с советской властью? Духовное ее неприятие? Или банальная тяга к драмме, адреналиновая зависимость? До конца мы этого узнать не можем, но вариант адреналиновой зависимости можно сразу отбросить — будь в этом дело, поэт нашел бы множество куда более простых способов ее удовлетворить. Политическая версия выглядит логичнее, поскольку ни малейших симпатий к революции поэт не испытывал. Однако следует признать — Гумилев никогда особо не интересовался политикой, а если бы даже и решил вступить в борьбу с большевиками, куда разумнее было бы присоединиться к Белому движению. Но вот что касается духовного неприятия — это кажется куда более достоверным. В новой власти он увидел нечто большее, чем просто чуждую ему политическую платформу. Нет, она вызвала у него апокалипсические ассоциации, что отразилось и в стихах. Например, «Звездный ужас», в котором красный лебедь гонится за обезумевшими людьми. Создать такой образ в «красном» обществе равно самоубийству. Рядом стоит и гениальное стихотворение «Слово». Помимо удивительной красоты и силы метафор, оно еще воспринимается как слепок страшной сатанинской эпохи, когда у людей отнимают Бога:

*А для низкой жизни были числа,
Как домашний подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умною число передает.*

И портрет Ленина-антихриста угадывается в строках:

*Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.*

Последняя фотография
Н. Гумилева, сделанная в ЧК

Послание дошло до адресата. В ночь перед расстрелом Гумилева Ленину звонили, пытаются спасти поэта, и получили ответ: «Мы не можем целовать руку, поднятую против нас».

Есть разные версии об участии Гумилева в антиправительственном заговоре: то ли участвовал, то ли знал, но не донес. Часть современных исследователей полагает: заговора вообще не существовало, его сфабриковало ЧК в связи с Кронштадтским восстанием.

Но и без участия в заговоре Гумилев вряд ли мог остаться в живых. Странно, что ему дали существовать в коммунистической стране так долго и даже приобрести огромную популярность у творческой молодежи.

Был ли провокатором поэт Борис Верин, уговаривавший Гумилева присоединиться к контрреволюционному заговору, собственно, не так уже важно. Чекистам не составило бы труда поймать поэта и другим способом, ведь он не собирался прятаться, а наоборот, превратил свою жизнь в свидетельство.

*Я еще один раз отпылаю
Упоительной жизнью огня*

Подкладывая дров в свой костер, Гумилев назвался дворянином. Это было неправдой, но идеально вписывалось в рыцарский образ. По иронии судьбы (а может, и специально) следователь Яковсон, допрашивавший Николая Степановича, оказался знатоком поэзии и цитировал по памяти гумилевские стихи. Чекисты оценили мужество поэта перед расстрелом. Один из их тайных осведомителей вспоминал: «Знаете, шикарно умер. Я слышал из первых уст. Улыбался, докурил папиросу... Даже на ребят из особого отдела произвел впечатление... Мало кто так умирает...»

Возвращение Гумилева к читателям происходило много труднее, чем у других запрещенных поэтов Серебряного века. Уже давно начали публиковать Пастернака, Мандельштама, Цветаеву, Ахматову, но над гумилевским наследием по-прежнему висела тень «расстрельного дела». Гумилева реабилитировали только в 1992 году. Но задолго до официального «прощения» его стихи, распространенные самиздатом, уже были известны миллионам людей. В отличие от творений многих эстетов Серебряного века, гумилевские строки по прошествии семидесяти лет воспринимались до боли актуальными и родными. Лучшее подтверждение этой мысли — множество самостоятельных «подгитарных» песен, написанных на его тексты уже в наши дни.

Причиной тому не только удивительное совершенство формы и яркость образа его поэзии. Гумилев продолжает делиться со своими читателями мужеством и верой. Он учит «не бояться и делать, что надо». **Ф.**

Анна Ветлугина